

¹³ Woodhead A. C. The study of greek inscriptions. Cambridge, 1959, p. 44. Ср.: Die Inschriften von Kysikos und Umgebung. Bonn, 1980, Bd. 1, N 3, 15, 46, 60, 233, 313.

¹⁴ Даух G. Note de lecture.— ВСН, 1970, N 2, p. 602.

¹⁵ КБН, 152, 154, 204, 920, 993, 1104, 1233.

¹⁶ Там же, 519, 740, 742.

¹⁷ Топоров В. Н. Древо жизни.— В кн.: Мифы народов мира. М., 1980, т. 1, с. 396 сл.

¹⁸ О разных толкованиях сюжета заgrabной трапезы см.: Тончева Г. Сюжетът ..., с. 18—23; Кругликова И. Т. Мраморный рельеф из Анапы.— СА, 1962, № 1, с. 287 сл.; Иванова Г. П. Сцена «заgrabной трапезы» на херсонесских надgrabных рельефах.— Археология. Киев, 1970, т. 23, с. 74 сл.

¹⁹ Античная скульптура Херсонеса, с. 102, № 336, 337, 342. Ср. также № 469. Две мужские фигуры на клинэ часто встречаются в Кизике. См.: Die Inschriften von Kysikos...

²⁰ IPE, I², 457; Античная скульптура Херсонеса, с. 107, № 336, рис. 132 (рисунок по ошибке переставлены).

²¹ Иванова Г. П. Сцена «заgrabной трапезы» ..., с. 79, 84; Скульптура античного Херсонеса, с. 107, № 336.

²² Ср. надgrabие из Вифинии III в. н. э., где прямо под сценой заgrabной трапезы изображены быки, запряженные в плуг.— Sahin S. Bithynische Studien. Bonn, 1978, S. 42, N 11, Taf. 9.

²³ Петерс Б. Г. Морское дело ..., с. 80, рис. 16 (КБН, 264); с. 109, рис. 31 (КБН, 1107).

²⁴ Stoian I. Tomitana. Bucuresti, 1962, p. 31, fig. 9; Die Inschriften von Kysikos ..., N 53; Sahin S., Sayar M. H. Fünf Inschriften aus dem Gebiet des Golfes von Nikomedeia.— ZPE, 1982, N 47, S. 45.

²⁵ Ср.: КБН, 513, 732, где в эпитафиях указано, что один был кораблестроителем, а другой — навклером. В одной из надписей Горгииппии II — начала III в. упоминается даже фиас навклеров (КБН, 1134, 6).

²⁶ IPE, I², 364—366, 398.

²⁷ Между первыми строками в камне проходит наискось белая полоса, которая видна на обоих фрагментах.

²⁸ IPE, I², 508. Недавно она была переиздана: Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983, № 23.

²⁹ Ср. в Херсонесе: IPE, I², 553, 555.

³⁰ Не исключено также двойное латинское имя, хотя у женщин это встречается редко и в основном среди знати.

³¹ См.: Доватур А. И. Рец. на кн.: Kaimitio J. The Romans and the Creek Language. Helsinki, 1979.— ВДИ, 1981, № 4, с. 171.

³² Solin H. Die griechischen Personennamen in Rom. Berlin; New York, 1982, Bd. 1, S. 441—446.

³³ Ср.: Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981, с. 51.

³⁴ Nadel B. Penetracja Rzymu i wpływy rzymskie na północnym wybrzeżu Morza Czarnego.— Meander, 1969, N 2, s. 65.

Е. П. ГЛУШАНИН
Алтайский университет

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ IV в. (варварский вопрос)

В специальной литературе, посвященной проблемам поздней Римской и ранней Византийской империи, в последнее время все чаще пересматриваются традиционные взгляды на вопрос о соотношении римских и варварских элементов в поздне-

античной армии. Для современной историографии уже нехарактерны представления о значительной повсеместной варваризации военной организации империи IV в. Признается, что варваризация в количественном и качественном отношениях сильнее затронула войска Запада, чем Востока¹. Однако эти в известной мере справедливые положения высказывались априорно или приводились без достаточных оснований, в результате проблема до сих пор недостаточно изучена. Отметим, что она решалась в ряде специальных работ, посвященных преимущественно истории западноримской военной организации²; вопрос же о формах, методах и глубине варваризации ранневизантийской армии IV в. практически не нашел отражения в литературе, хотя неоднократно освещался на материале VI в.³

Поскольку надежный статистический материал практически отсутствует, то при определении этнического состава ранневизантийской армии IV в. необходимо обратиться к характеристике системы комплектования войск, к соотношению и особенностям внутренних и внешних источников получения солдатского материала.

Позднеантичная система набора, обусловленная развитием комплекса социальных, военно-политических и экономических процессов, протекавших в III в., представляла собой во внутриимперском аспекте совокупность добровольного, налогового и наследственно-принудительного источников пополнения армии, при значительном преобладании двух последних. Наметившееся еще в эпоху Северов резкое сокращение добровольцев заставило Диоклетиана ввести на территории всей империи конскрипцию рекрутов, которая рассматривалась в качестве налога на имущество и была ориентирована в основном на землевладельческие слои (CJ, X, 42, 8; 62,3). Пополнение поредевших в битвах III в. войск было проведено преимущественно этим путем⁴. Наличие в восточных провинциях значительной прослойки свободного крестьянства, деревень колонов и рабовладельческих поместий разных типов при их устойчивости и известном процветании в IV в.⁵ позволяло государству ежегодно набирать солдат-конскриптов в необходимом количестве. На протяжении доадрианопольского периода эта система постоянно развивалась и совершенствовалась, причем государство, учитывая огромную потребность рабовладельцев восточных провинций в рабочей силе в условиях экономического подъема IV в.⁶, часто практиковало ее второй вариант — выплату *augur tironicum*. Думается, что сама возможность выкупа воинских повинностей существовала за счет резерва солдатского материала внутри империи и благополучного положения в других отраслях набора. Государство поощряло значительными налоговыми льготами и дотациями семьи, которые дали рекрутов по линии *prototypia* (CTh, VII, 20; 13,7), что не могло не стимулировать желания служить в многодетных и мелких хозяйствах.

Конскрипция дополнялась наследственной военной службой детей ветеранов, правовые основы которой были заложены при Константине (CTh, VII, 22,1—5). Его законы подчеркивают, что дети ветеранов должны служить «вследствие привилегий их родителей» (CTh, VII, 22,2). Императоры IV в. предоставляли ветеранам наделы, деньги, семена, сельскохозяйственный инвентарь, освобождали от податей (CTh, VII, 20,3, 8, 9) с целью «поддержатъ таким путем свободное землевладение для военных нужд, поддержать слой ветеранов как важный источник пополнения армии»⁷. Надо сказать, что эти поощрения достигли своей цели уже при Константине, который для армейской службы отбирал «тех, кого бодрость и мужество делают годными для защиты государства» (CTh, VII, 22,5). О постоянном, видимо, значительном наплыве в войска детей ветеранов говорит также ряд законов, запрещающих служить уклоняющимся от куриальных повинностей (CJ, XII, 33,2; CTh, XII, 1,11; VII, 2,1). На всем протяжении IV в. государство стремилось поддерживать воинский резерв из сыновей ветеранов, так называемых *ad crescentes* (CTh, VII, 1,11; VI, 24,2). Количество их было значительным, поскольку по 50—100 таких резервистов ежегодно заносилось в списки каждой части⁸. По мнению специалистов, система *ad crescentes* была «базовым фактором для римской военной организации и одновременно самой важной гарантией наступательной возможности армии и ее устойчивых запасов силы»⁹.

В IV в. империя внимательно относилась к боевым качествам своих солдат, предпочитая набирать их из воинственных фракийцев¹⁰, предоставляя богатым восточным провинциям вносить деньги на поиски добровольцев. Даже после адрианопольской катастрофы Феодосий запрещал принимать в армию представителей «невоинственных» профессий — поваров, рыбаков, трактирщиков и т. д. (CTh, VII, 13,8). Валент стремился пополнять походные войска по возможности рослыми и физически сильными провинциалами (CTh, VII, 22,8). То, что такой выбор в IV в. был действителен, показывает совет Вегетия, завершавшего свой трактат на рубеже IV—V вв.: «если этого требует необходимость, следует обращать внимание не столько на рост, сколько на силу»¹¹. Думается, что наследственная служба детей ветеранов была ориентирована прежде всего на пополнение пограничных армий империи, ибо эта служба представляла собой модификацию института *castrenses* периода позднего принципата. Разумеется, часть их и *ad crescentes* попадала в походные формирования (CTh, VII, 22,2, 2), набор в которые осуществлялся на основе конскрипции и добровольчества.

Походная армия и элитарные части (схолы) пополнялись также внутриимперскими варварами типа западных лэтов. В литературе существует две точки зрения о способе набора

лэтов. Т. Моммзен считал, что в этом плане они не отличались от колонов-конскриптов¹². По Л. Варади, у них не было *protostasia*, но их статус близок к семьям с наследственной военной службой и *limitanei*¹³. Нам кажется, что следует различать способы, какими варвары переходили в состояние типа лэтов: если это был результат сокрушительного поражения, то они становились государственным колонами с обязанностью *graebitio* и их сородичи попадали в любые войска; если имел место добровольный переход на основе договора, тогда они участвовали в основном в локальной обороне, как и римские пограничники. По источникам для восточных провинций в доадрианопольский период более характерным был первый путь поселения варваров. При Диоклетиане были окончательно разгромлены карпы и остатки их племен переведены в империю¹⁴. В 376 г. императорский двор радовался *quod ex ultimis terris tirocinia trahens* (Амм., XXXI, 4,4). Этот источник пополнения армии в своей начальной фазе, т. е. в первое время после переселения, может рассматриваться и в качестве внешнего, принудительного по своему характеру: Констанций II побежденных сарматов-лимигентов поселил на условиях *tributariorum onera* (Амм., XVII, 13,3; 19,11). Однако через одно-два поколения поселенные варвары настолько романизировались, что их этническое лицо в достаточной степени терялось и в областях расселения, и в армии, где они не составляли отдельных формирований по племенному признаку. Следует отметить, что о других подобных поселениях варваров в восточных провинциях до 378 г. мы практически не слышим, но этот источник набора более характерен в тот период для Запада. Переоценивать роль внутриимперских варваров в пополнении ранневизантийской армии не приходится, ибо известно, что Констанций II был заинтересован в поступлении в его войска лэтов Галлии еще в 360 г. (Амм., XX, 8,13). В 364 г. после раздела войск источники набора, очевидно, окончательно «регионализировались», что означало для войск Валента потерю галльских лэтов в качестве рекрутов.

При Валенте в системе внутренних источников набора ранневизантийской армии возникла кризисная ситуация. Из 7 законов 13-го титула седьмой книги Феодосиева кодекса о рекрутах периода до 378 г. 6 изданы от его имени с резким требованием людского материала на нужды армии (СТh, VII, 13,1—7). Это заставляет думать о постоянно практикуемой *prototuria* в восточных провинциях и о стремлении землевладельцев выплачивать выкупные деньги, но не расставаться с колонами. Законодательство показывает также, что после 365 г. уклонение сыновей ветеранов от службы принимает широкие масштабы, причины чего справедливо усматриваются в следующем: «интенсивное занятие земледелием и торговлей сыграло свою роль: они стимулировались государственными льготами, а последние

создали условия, при которых детям ветеранов было выгоднее продолжать их торговые и земледельческие занятия, чем нести службу в армии»¹⁵. Следовательно, интересы собственников, государственной казны и армии накануне Адрианопольской битвы находились в устойчивом противоречии друг с другом. Кроме того, войска Валента понесли потери в ходе восстания Прокопия. Наконец, в тот же период зафиксировано и массовое дезертирство (CTh, VII, 18,1). Валент не решился на прямой конфликт с землевладельцами Востока, поддерживавшими его во время восстания Прокопия, и не заменил выгодные им выкупные платежи поставкой колонов в армию. Он лишь урегулировал отношения между консортами и установил твердую цену за рекрута (CTh, VII, 13,7). Для пополнения армии он предпринял две беспрецедентные попытки заставить служить монахов, особенно египетских¹⁶. Думается, что у Валента были законные основания для такой меры. Монастыри со второй половины IV в. активно практиковали массовый прием как дезертиров из армии, так и уклоняющихся от набора. Очевидно, там скрывались и дети ветеранов восточных провинций, где эта прослойка должна была быть значительной.

Кризисная ситуация системы набора при Валенте с попыткой разрешить ее за счет внутренних резервов говорит о незначительной роли внешних каналов пополнения армии.

Анализ внешних источников набора в ранневизантийскую армию IV в. позволяет разделить их на три группы: а) принудительные поставки, б) федераты, в) наемники. Принудительные или даже своего рода репарационные поставки солдат в войска империи, прочно вошедшие в практику еще в III в. (Dexipp., fragm. 24), предполагали отбор наиболее боеспособной части побежденного племени и включение ее в римскую армию. Однако если при тетрархии остатки разгромленных племен, как правило, переселялись в империю, то при Константине это делалось уже не всегда. Очевидно, в первой половине IV в. ситуация в варварском мире изменилась и многие племена не удавалось ослабить настолько, чтобы вынудить их к полному переселению. Так, в 332 г. Константин до заключения foedus с побежденными готами востребовал у них лишь 40 тыс. воинов, но не поселил племя в империю¹⁷. Дальнейшее развитие практики принудительного набора в варварском мире показывает, что этот институт переживает упадок и его проявления были более характерны для Запада, чем для Востока (Amm., XVII, 1,13; 10,4). Причина этого упадка кроется в дальнейшем усилении варварских племенных союзов и выгоде для истощившей свои силы во внутренних конфликтах империи получать солдат мирным путем. Соседей ранней Византии после раздела 364 г. — персов и готов — невозможно было принудить к таким поставкам; другие же более слабые племена не граничили с восточным Иллириком — тогдашним официальным рубежом

обеих частей империи — и Валент не мог совершать рейды на их территорию для пополнения своей армии.

Снижение принудительных поставок обусловило подъем значения федератского и наемнического источников пополнения армии. Федераты были юридически признанным империей самостоятельным племенем, за плату поставлявшим воинские контингенты на определенный срок. Они ни в одном источнике не называются *tirones*; у них отсутствует *praebitio* и, как правило, они обозначаются *auxilia Scytharum* (Amm., XX, 8,1).

Политика заключения договоров с северными варварами началась с 332 г., когда Константин установил федератские отношения с готами. Видимо, *foedus* был заключен в 357 г. с лимигантами, которым после победы Констанций II дал своего правителя, что подразумевает их федератский статус с поставками воинских контингентов (Amm., XVII, 13,24). Когда же дело кончилось истреблением лимигантов, надобность в федератских отношениях с ними отпала. На всем протяжении IV в. империя на своих северных рубежах имела только одних постоянных федератов — готов. Отношения с ними нарушились при Валенте, когда готы вмешались в династическую борьбу, повлекшую за собой готскую войну 367—369 гг., в результате которой Константинов *foedus* был расторгнут¹⁸. Такое положение сохранялось до 382 г., ибо в 376 г. «бегущие готы, перейдя Дунай, были приняты Валентом без какого-либо союзного договора»¹⁹. Таким образом, с 367 по 376 г. империя фактически была лишена двух важных внешних источников пополнения ее армии, что в известной мере объясняет попытки Валента разрешить кризисную ситуацию и говорит о незначительном числе варваров в ранневизантийском войске доадрианопольского периода.

На южных границах империя имела федератами нобадов уже при Диоклетиане, однако их задачей было только прикрытие подступов к рубежам Египта (Proc. В. Р., I, 19). Для походов они не привлекались, в отличие от готских федератов (Amm., XX, 8,1; XXIII, 2,7; XXVI, 10,3). То, что федератские контингенты, как правило, после определенной операции возвращались на родину, прекрасно иллюстрирует курьезный случай захвата и включения Валентом в свою армию готского отряда, посланного на помощь Прокопию, вопреки протестам Атанариха.

На восточной границе федератами были сарацины, договор с которыми окончательно был заключен только в 372 г.²⁰ По Сократу, при осаде Константинополя в 379 г. «гражданам помогали и немногие сарацины, посланные Мавией» (Socr. Hist. eccl., V, 1).

В структуре внешних источников наемнического пополнения армии IV в. следует различать такие способы привлечения

варваров, как прием отдельных перебежчиков, дезертиров и изгоев из варварских племен, включение в войска аморфных групп добровольцев и вербовку целых отдельных отрядов наемников. Судя по источникам, более характерным был именно групповой переход. Так, сообщается, что Проб включал в свои войска группы варваров по 50—60 человек. О том, что это были неоформленные группы, говорит любопытное замечание: «...должно быть ощутимым, но невидимым, когда римлянин пользуется варварской помощью» (SHA, Prob., XIV, 7). В какой бы период IV в. не был составлен памятник SHA, этот сюжет прекрасно передает атмосферу приема варварских наемников именно в IV в.

Практика найма целых отрядов варварских вождей в основном на одну-две кампании существовала уже при тетрархии (Jord. Get., 110). Использовали наемные варварские дружины Константин, Лициний, Констанций II, Валент²¹. Однако вряд ли это вылилось в постоянную систему, особенно на Востоке. Скорее всего их использовали в крупномасштабных походах против Ирана и в борьбе за власть (Amm., XXX, 2,6, 8; XXXI, 6,1—3).

Таким образом, дифференцированное рассмотрение варварских источников пополнения ранневизантийской армии заставляет столь же дифференцированно подходить к проблеме ее варваризации. Внутренние варвары, подпадавшие под *graebitio* и служившие, видимо, по преимуществу в походных войсках, романизовывались довольно быстро; после отставки они становились ветеранами, а их дети уже не имели даже варварского статуса, но были обязаны служить по наследственной системе.

Эти положения подтверждаются археологическим материалом. Опубликованные недавно Е. Ваго и И. Бона результаты раскопок некрополя Интерцизы при применении метода больших чисел позволили авторам сделать следующие выводы: 1) некрополь использовался в течение 120 лет (313—430 гг.) и в нем прослеживается 4 поколения Интерцизы; 2) созданные тетрархией условия консолидации империи позволили развиваться в Иллирике собственной и достаточно сильной материальной провинциально-римской культуре; 3) эта культура не была культурой нового этноса, т. е. новейшие исследования некрополей показывают континуитет позднеимперского населения и в городах, и в военных лагерях; 4) варваризация римской армии, начавшаяся при Константине, коснулась лишь ее верхов, ибо, как показывает археологический материал, в вооружении, в образе жизни, в типах жилищ, в способах ведения хозяйства варварские *gentiles* уже спустя несколько месяцев были неделимы от местного населения²².

Из внешних источников набора до 378 г. следует исключить федератов и варварские отряды, нанятые на определенный

срок: так или иначе долго на имперской службе они не задерживались. Очевидно, при Валенте наемнический рынок должен был существенно сократиться после карательного готского похода. Наибольшее же значение, видимо, имели единовременные принудительные поставки (для раннего периода) и переход добровольцев-одиночек и групп. Но однажды сформированные различными способами варварские отряды, будучи оторваны от своей родины, постепенно размывались, пополняясь людьми разных народностей. В качестве примера можно привести вспомогательные алы и когорты германцев (абасгов, вандалов, квадов, ютунгов, аламаннов, франков, хамавов), сарматов, армян, упомянутых в списках *Notitia Dignitatum* среди частей пограничной армии Египта²³. Очевидно, большинство из них были сформированы в результате единовременных принудительных поставок в период от Аврелиана до Диоклетиана²⁴. Трудно предположить, чтобы на протяжении более ста лет между правлением Аврелиана и временем составления *Notitia* они пополнялись исключительно соплеменниками. Если обратиться к цифрам, то из 316 подразделений ранневизантийской пограничной армии согласно *Notitia*²⁵ только у 25 названия внеимперского происхождения²⁶; в походной армии это соотношение составляет соответственно 152:21 (ND, ор. V—IX).

Таким образом, романизирующие условия службы, умелая практика пополнения и составления частей, ассимиляция местным населением варварских отрядов, востребованных по репарационным договорам, быстрый уход с имперской территории наемных дружин позволяют утверждать, что глубина и степень варваризации ранневизантийской армии IV в. была незначительной.

Варваризация слабо затронула не только рядовой состав, но и офицерское и высшее командное звено армии доадрианопольского периода. Среди пяти магистров войск Валента не было ни одного варварского происхождения²⁷. Сведения о 70 дуксах и комитах восточных провинций, содержащиеся в «Просопографии поздней Римской империи», показывают, что только 6 из них лица явно неимперского происхождения, причем один — вестгот Мундерих — поступил на службу только после 376 г.²⁸ Среди 19 префектов легионов и 69 препозитов вексиллярций варварские имена и происхождение вообще не прослеживаются²⁹, а на службе в западноримской армии в это же время находились 58 старших офицеров-германцев³⁰.

Соотношение римских и варварских начал в армии IV в. можно видеть у Аммиана. Он подчеркивает, что легионы составляли тогда главную силу армии; они также делились на когорты, центурии и манипулы (Amm., XXVI, 2,3), что свидетельствует о живучести римских тактических традиций. Маршевый строй, как и прежде, — *agmen quadratum* (Amm., XXV, 3,2;

XXVII, 2,8), но иногда в бою действуют небольшие подразделения — *sarut rogi* (Амм., XVII, 13,9), возможно, вошедшие в практику под варварским влиянием. В числе оружия Аммиан, как правило, упоминает панцирь, шлем, щит, поножи, меч, *hasta*, стрелы, метательные и осадные орудия³¹. Все перечисленное показывает, насколько еще сильно было римское начало в армии.

Думается, что нет достаточных оснований переоценивать степень варваризации ранневизантийской армии и при Феодосии I. Договор 382 г. в известной мере был вынужденным шагом и последовал лишь два года спустя после признания Грацианом готов федератами. Он стал возможным лишь после того, как Феодосий убедился, что дальнейшая политика раскола готского воинства на составные части уже невозможна. Ряд дружин готских вождей перешел добровольно в войска империи, где, вероятно, постепенно ассимилировался. Это касается прежде всего отряда Атанариха (Marc. Com., а. 382) и групп перебежчиков, упомянутых Зосимом (Zos., VI, 30—31). Часть готов удалось поселить в провинциях, где они стали обрабатывать землю и поставлять в войска рекрутов (Jord. Get., 26). Феодосий и позже не отказался от традиционных методов приема варваров на службу. Так, после разгрома гревтунгов в 386 г. их поселили во Фригии, и, возможно, для них обязательна была *praebitio* (Zos., IV, 34; 38). После смерти Феодосия византийская администрация стремилась перевести всех пришлых в разряд *лэтов* (CTh, XIII, 11,10). Политика разложения готских группировок, вне сомнения, в беспрецедентных масштабах открыла доступ наемникам, однако правительство стремилось их всячески нейтрализовать тоже традиционными методами. Часть готских контингентов была отослана в Египет; оттуда на Дунай перебрасывались рекруты имперского происхождения³².

Феодосий планомерно стремился восполнить потери в Адрианопольской битве за счет внутренних источников. По Фемистию, в его войсках, стягивавшихся в основном из восточных провинций, находились в 384 г. ассирийцы, армяне, иберы, кельты, части из Аравии и областей Тигра³³. Усиливаются наследственное принуждение и борьба с дезертирством, проводятся мероприятия по повышению дисциплины в войсках³⁴. По мнению Д. Хоффманна, Феодосий включил в свою армию 15 отборных западноримских подразделений после победы над Максимом в 388 г., что окончательно восстановило количественный уровень войск доадрианопольского периода³⁵.

Таким образом, можно утверждать, что варваризация рядового состава ранневизантийской армии при Феодосии была углублена в незначительной степени по сравнению с доадрианопольским периодом. При нем возрастает лишь значение отдельных варварских федератских дружин, не сливавшихся

с войсками Византии, но находящихся отныне на постоянной имперской службе. Представляется, что возрастание числа магистров варварского и притом знатного происхождения связано именно с этим обстоятельством: из 15 *magistri militum* — 5 германцев и 1 мавр³⁶. Среди 20 дуксов и комитов это соотношение значительно ниже: 3 германца и 1 ибер (Гормизду Младшего мы не включаем в их число, как родившегося в империи)³⁷. Вероятно, испанец Феодосий попытался применить традиционные для Западной империи методы включения знатных варваров, за которыми стояли боеспособные дружины соплеменников, в социальную структуру ранневизантийского общества. Последующая негативная реакция определенных слоев господствующего класса (так называемый антигерманизм) показала, что почвы для подобной практики на Востоке не существовало. Столкновения между федератами-готами и египетскими подразделениями (Zos., IV, 30,4), избиение варваров в Томах (Zos., IV, 40) также свидетельствуют о неглубоких корнях, по сравнению с Западом, варваризации армии Византии.

¹ Jones A. H. M. *The Later Roman Empire*. Oxford, 1964, v. 2, p. 619—622, 1025—1027; Hoffmann D. *Das spätrömischen Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum*. Düsseldorf, 1969, Bd. 1, S. 390.

² Waas M. *Germanen in römischen Dienst in 4. Jahrhundert nach Christus*. Bonn, 1965.

³ Lact. de mort. pers., 7; Paneg. lat., VIII, 12, 3.

⁴ Theall J. L., *Barbarian in Justinian's armies*.— *Speculum*, 1965, N 2, p. 294—322.

⁵ Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971, с. 28—29.

⁶ Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980, с. 46—47.

⁷ Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство о ветеранах (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана).— *ВО. М.*, 1977, с. 152.

⁸ Anon. *De reb. bell.*, V. 5.

⁹ Várády L. *New evidences on problems of the late roman military organization*.— *AAASH*, 1961, IX, p. 338.

¹⁰ Expos. tot. mundi et gent., 50.

¹¹ Veget. *Epit. de re mil.*, I, 5.

¹² Mommsen Th. *Das spätrömischen Militärwesen seit Diocletian*.— *Gesammelte Schriften*. Berlin, 1910, Bd. 6, S. 259.

¹³ Várády L. *Op. cit.*, p. 345.

¹⁴ *Amm. XXVIII*, 1, 5; *Cons. Const.*, a. 295.

¹⁵ Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство..., с. 155.

¹⁶ *Oros. Hist. adv. pagan.*, VII, 33, 3; *CTh*, XII, 1, 63; *Hier. Chron.*, a. 377.

¹⁷ *Jord. Get.*, 112. Цифра вряд ли реальна, так как изыскать 40 тыс. боеспособных мужчин после поражения просто невозможно.

¹⁸ Подробнее см.: Ременников А. М. Вестготы и Римская империя накануне нашествия гуннов.— *ВДИ*, 1967, № 1, с. 105.

¹⁹ *Oros. Hist. adv. pagan.*, VII, 33, 10.

²⁰ *Sozom. Hist. eccl.*, VI, 38.

²¹ *Euseb. Vita Constan.*, IV, 7, *Socr. Hist. eccl.*, 1, 4; III, I; *Amm. XXX*, 8, 6.

²² Колосовская Ю. К. Рец. на кн.: Vágó E., Vona J. *Die Gräberfel-*

der von Interciza. Die spätrömische Südostfriedhof. Budapest, 1976.—ВДИ, 1979, № 4, с. 164—170.

²³ ND, or. XXXI, 55, 56, 63, 46, 51, 61, 62; XXVIII, 25, 26, 33.

²⁴ Dexipp. fragm. 24.

²⁵ V á r a d y L. Op. cit., p. 360.

²⁶ M o m m s e n Th. Op. cit., S. 279—283.

²⁷ D e m a n d t A. Magister militum.—PWRE, 1970, Hbd. XII, Sp. 708—709.

²⁸ PLRE, v. 1, p. 1118—1120.

²⁹ Ibid., p. 1124—1127.

³⁰ W a a s M. Op. cit., S. 14.

³¹ M ü l l e r A. Militaria aus Ammianus Marcellinus.—Philol., 1905, Bd. 65, S. 602—608.

³² R e m o n d o n R. Problemes militaires en Egypt et dans l'Empire à la fin du IVe siècle.—Revue historique, 1955, t. 213, p. 34, 29—30.

³³ Them. Orat., XVI, 207a; XV, 189d; Zos., IV, 58, 2.

³⁴ CTh, VII, 22, 9; 2, 1; 1, 12; 9, 3; 4, 18; VIII, 2, 1; IX, 14, 2.

³⁵ H o f f m a n n D. Op. cit., Bd. 1, S. 468.

³⁶ D e m a n d t A. Op. cit., Sp. 725. Можно ли считать варваром Стилихона, сына римского офицера вандалского происхождения?

³⁷ PLRE, v. 1, p. 1120—1121.

А. С. КОЗЛОВ
Уральский университет

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ВИЗАНТИИ И ЕЕ СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА В СЕРЕДИНЕ 70-х гг. V в.

Советской историографией установлено, что идейная борьба, в том числе и конфессиональная, а также политические лозунги в ранней Византии отражали в конечном счете социальное развитие определенных слоев и групп населения в условиях отмирания позднеантичных и формирования элементов раннефеодальных отношений¹. Продолжая изучение политической оппозиции правительству Византии², в данной статье мы попытаемся рассмотреть вопрос, практически не исследованный в византиноведении: конкретное социальное содержание основных направлений этой оппозиции в середине 70-х гг. V в.— на первом этапе правления Зинона и главным образом в период правления Василиска³.

Следует отметить, что к указанному времени в Византии определилось два основных направления оппозиции в среде господствующего класса. Первое направление формировалось из египетской и левантийской торгово-ростовщической и землевладельческой знати, окрепшей на базе крупных провинциальных центров в первой половине V в.⁴ Часть этой знати была заинтересована в экономических связях с Константинополем и пыталась добиться большего влияния в столице через церков-